

Жанр:
Эпическая сага

Князь Вечности: Война за Русь

Скачков Е. А.

Евгений Скачков

Князь Вечности: Война за Русь

«Автор»

2026

Скачков Е. А.

Князь Вечности: Война за Русь / Е. А. Скачков — «Автор», 2026

Жанр: Историческое фэнтези, эпическая сага. Аннотация: Русь начала XII века. Эпоха великих князей сменяется временем кровавых усобиц, где брат идет на брата ради золотого венца. После вероломного убийства старого князя Всеволода его сын Ярослав чудом выживает в горящем Киеве и дает клятву отомстить узурпатору — своему старшему брату Борису. Чтобы вернуть престол, Ярослав вынужден заключить союз с опасным изгнанником из Тмутаракани Ростиславом Владимировичем, бросив вызов не только родичам, но и жадным боярам, половецким ханам и собственным демонам. Пройдя через ледяные походы, предательство наемников-берендеев, голодные бунты вольного Новгорода и пепелище собственной столицы, он побеждает. Но цена власти оказывается страшнее смерти: чтобы удержать Русь от распада, Ярослав отрекается от своего имени и восходит на трон под именем Владимира. Став великим князем, Владимир-Камень строит каменные крепости на границах, железной рукой подавляя мятежи.

© Скачков Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Скачков

Князь Вечности: Война за Русь

Жанр:

Эпическая сага

Название книги

Князь Вечности: Война за Русь

Автор: Скачков Евгений Александрович

Оглавление книги

- * Пролог. Кровавая заря над Днепром.
- * Глава 1. Тень на стенах Киева.
- * Глава 2. Братская клятва и змеиный шепот.
- * Глава 3. Пепел Чернигова.
- * Глава 4. Волхв из кургана.
- * Глава 5. Варяжский клинок.
- * Глава 6. Пир стервятников.
- * Глава 7. Ледяной поход.
- * Глава 8. Битва под Любечем.
- * Глава 9. Пленница Золотых ворот.
- * Глава 10. Предательство в сумерках.
- * Глава 11. Огонь на семи холмах.
- * Глава 12. Цена венца Мономаха.
- * Глава 13. Степная буря.
- * Глава 14. Белый камень предательства.
- * Глава 15. Голодные волки Новгорода.
- * Глава 16. Меч Перуна.
- * Глава 17. Река, текущая вспять.
- * Глава 18. Последняя исповедь воеводы.
- * Глава 19. Корона из терна и железа.
- * Глава 20. Зеркало лжи.
- * Глава 21. Штурм Вышгорода.
- * Глава 22. Когда молчат колокола.
- * Глава 23. Суд веча.
- * Глава 24. Рассвет на Калке (анахронизм для эпичности).
- * Эпилог. Камень без имени.
- * Конец

Пролог. Кровавая заря над Днепром

Весна в Киеве всегда пахла цветущими садами на Владимирской горке и свежим, влажным ветром с великой реки. Но сегодня воздух был мертвенным. Он обжигал легкие, неся в себе тошнотворную сладость горелой плоти, едкую вонь смоляных факелов и густой, маслянистый запах паленого дерева.

Днепр под стенами Вышгорода казался застывшим потоком дегтя. Его темные воды лениво перекачивали через затопленные ладьи купцов-варягов, цеплялись за раздутые конские туши и человеческие тела, чьи лица уже посинели от холода глубин. Река была черной от пепла — тяжелого, жирного праха сгоревших дотла пристаней и купеческих складов. Там, где еще вчера золотом полуденного солнца слепили глаза высокие резные терема князя Изяслава Мстиславича, украшенные деревянными львами и грифонами, теперь торчали из земли черные, обугленные ребра стропил. Каменная кладка Детинца пошла глубокими трещинами, словно лицо прокаженного, а знаменитые Золотые ворота стояли распахнутыми настежь, сорванные с петель чудовищным тараном или предательством изнутри.

Небо над Киевом горело багрянцем, заливая верхушки уцелевших колоколен зловещим светом. Казалось, сам небесный Иерусалим спустился на землю, чтобы судить грешников. Но это был не закат, окрашивающий облака в благородный пурпур перед вечерней молитвой. Это пылал Подол — торговое чрево Руси, ее живая, шумная душа. Огонь пожирал ряды немецких суконщиков, арабские меняльные лавки, склады воска и меда. Раскаленный ветер поднимал к тучам целые полотнища искр, которые оседали на соломенные крыши Верхнего города, зажигая новые очаги пожара. Жар стоял такой плотный, что его можно было резать мечом; он плавил свинцовые кровли Десятинной церкви, и тяжелые капли жидкого металла с шипением падали вниз, выжигая ямы в пропитанной кровью земле.

Молодой дружинник Ярослав упал на колени прямо в липкую весеннюю грязь на спуске Боричева взвоза. Земля здесь чавкала под коленями, перемешанная с конским навозом, обломками каленых стрел, выбитыми зубами и ошметками кольчужного полотна. Унижение позы совершенно не трогало его: после сегодняшнего дня само понятие чести казалось лишь красивой золотой насечкой на гнилом гробу.

Его тело представляло собой страшную мозаику проигранной битвы. Левое плечо было пробито тяжелой половецкой стрелой-свистунком. Наконечник с тремя острыми зубцами засел глубоко в кости, прошив стеганый подкольчужник и порвав звенья панциря. Каждое движение отзывалось пульсирующей болью, от которой темнело в глазах, а рукав превратился в жесткий, неподатливый корсет из запекшейся крови. Правая рука сжимала рукоять прямого варяжского меча так судорожно, что побелели костяшки пальцев, выступающие сквозь слой копоти, грязи и чужой темной крови. Пальцы свело судорогой, и клинок пришлось бы вырывать из мертвой хватки вместе с жилами, если бы кто-то попытался забрать оружие. Он даже не помнил момента, когда вытащил меч из ножен, но тяжелая сталь казалась теплой — она впитывала жар пылающего города.

Перед ним, нелепо разметавшись, раскинув руки крестом, лежал старый князь Всеволод. Седые волосы старого воеводы, обычно аккуратно расчесанные и перехваченные кожаным ремешком, слиплись от грязи, пота и спекшейся крови, превратившись в грязную паклю. Лицо приобрело восковой оттенок старой пергаментной грамоты. Богатый парчовый кафтан, шитый золотыми львами, двуглавыми орлами Византии и речным жемчугом, которым он еще утром кичился перед строем младшей дружины, валялся тут же — брошенный прямо в глубокую лужу, перемешанную с мочой павшей лошади и речной тиной. Тяжелое золотое шитье безнадежно размокло, нити сгнили на глазах, а драгоценные камни высыпались из ткани, как молочные зубы, исчезая в мутной воде. Дыхание старика вырывалось из груди с жутким хриплым бульканьем. Враг ударил без затей, по-походному жестоко и эффективно: широкое охотничье копьё вошло ему точно под ключицу, перебив тонкую кость и разворотив легкое. Кровь пузырилась на синеватых губах Всеволода розовой пеной вместе с каждым выдохом.

— Отец... — прошептал Ярослав, склоняясь ниже.

Это слово вырвалось против воли, непроизвольно, вопреки всем законам родства и местничества. По роду они были седьмая вода на киселе, старая дальняя ветвь Ярославичей, переплетенная десятками браков, крест целований и общих походов на чужд. Но для Ярослава этот седой, суровый воин всегда был единственным отцом. Настоящий родитель пал в неравной сече на реке Альте десять лет назад, пронзенный сразу пятью печенежскими сулицами, а Всеволод забрал мальчишку в свою младшую дружину, учил держать тяжелый каплевидный щит так, чтобы не дрожала рука, читать следы волка на первом снегу и отличать звон закаленного булата от глухого лязга сырого железа.

Всеволод открыл глаза. Они казались невероятно яркими, почти синими на фоне мертво-бледного, осунувшегося лица. В них не было страха смерти, этого животного ужаса, который заставляет сильных мужчин скулить, грызть землю и цепляться слабеющими пальцами за траву. Только бесконечная, вселенская усталость человека, пережившего трех великих князей, три больших победоносных похода в Дикое поле и два кровавых киевских восстания. Он видел слишком много власти вблизи, чтобы верить в ее святость.

— Слушай... слушай меня, сын, — прохрипел он, вкладывая остатки жизненных сил в пальцы. Старческая, высохшая, покрытая пигментными пятнами кисть внезапно сомкнулась железным капканом на окровавленном вороте кольчуги Ярослава, притягивая его лицо вплотную. Кольца мелкого плетения больно впились в подбородок, царапая кожу до крови. — Не ради чести быются они. Ради власти.

Он закашлялся, содрогаясь всем телом. На траву вылетел новый сгусток темной венозной крови, упавший прямо на бармицу шлема Ярослава.

— Киев сгнил изнутри, Ярик. Пока мы ходили брать вежи поганых, пока лили кровь за Святую Софию, бояре делили наши серебряные пояса в курных избах. Брат пойдет на брата за этот престол, залитый дерьмом и чужим золотом... Запомни этот день. Пометь его каленой иглой на сердце, выжги клеймом на памяти. День, когда умерла старая Русь. Та, которую завещал нам Владимир Святой. Она утонула в этом черном пепле.

Силы стремительно покидали старика, уходя вместе с алыми пузырями на губах. Хватка на горле ослабла на долю секунды, но затем пальцы снова впились в металл, найдя в последнем усилии новую точку опоры.

— Если выживешь... — голос перешел в едва слышный шелест, похожий на сухой осенний лист. — Найди того, кто сможет удержать узду. Кто будет достаточно жесток, чтобы ломать хребты, и достаточно умен, чтобы не дать своим псам перегрызть друг друга. Даже если придется вырвать эту узду вместе с руками врага... Вместе с его душой...

Глаза Всеволода остекленели мгновенно, словно невидимый писец захлопнул книгу его жизни, поставив жирную точку. Зрачки расширились, поглощая радужку, и устали в низкое, дымное небо. Железные пальцы разжались, соскальзывая с кольчуги, и бессильно упали в грязь рядом с рукоятью собственного кинжала. Голова старика безвольно запрокинулась набок.

Ярослав медленно, совершая огромное внутреннее усилие, протянул руку и прикоснулся двумя пальцами к холодному лбу наставника, а затем плавно опустил его изуродованные, навсегда закрывшиеся веки. Он провел ладонью по лицу мертвого князя сверху вниз, сни-

мая паутину копоти, словно пытаясь вернуть ему достоинство хотя бы после смерти. Затем он тяжело поднялся на ноги. Колени отозвались острой болью, голова кружилась от потери крови. Мир вокруг плыл, распадаясь на куски охваченных огнем крыш и пляшущие тени.

Он пошатнулся, сделал неуверенный шаг вперед, опираясь на свой длинный меч, как на пастуший посох. Лезвие со скрипом прочертило борозду в мокрой глине. Ярослав поднял голову и посмотрел на пылающий город сквозь прорези наносника. Где-то там, высоко на Горе, за вторым валом стен, в самом сердце дыма, его старший брат Борис — лицемер, интриган и трус — уже примерял на свою нечесаную голову тяжелый золотой венец Великого Князя. Венец, снятый с головы их убитого дяди. И этот венец жег бы ему макушку огнем, ибо Ярослав поклялся самой страшной клятвой на лезвии своего меча, что рано или поздно придет туда, чтобы вырвать эту власть вместе с глоткой нового правителя.

Глава 1. Тень на стенах Киева

Утро над пепелищем выдалось пронзительно ясным. Ветер, всю ночь гнавший по улицам хлопья сажи и запах горелого мяса, внезапно стих, уступив место тяжелой, звенящей тишине. Солнце взошло бледное, словно больной ребенок, испуганно выглянув из-за свинцовых туч. Его робкие лучи осветили картину истинного Апокалипсиса: Киев перестал быть матерью городов русских. Он превратился в огромный склеп под открытым небом.

Борис стоял на забрале Софийских ворот, широко расставив ноги в мягких красных сапогах византийской работы, подошвы которых еще не успели впитать уличную грязь. На его широких плечах тяжело лежал новый корзно — багряный княжеский плащ, густо затканый золотой нитью. Тяжелая ткань была жесткой от плохого от странной крови предыдущего владельца. Плащ был украден вчера ночью прямо из разграбленной великокняжеской казны вместе с бармами, которые Борис небрежно швырнул в сундук своей опочивальни, сочтя их слишком вычурными для своего нового статуса.

Он улыбался. Это была широкая, белозубая, совершенно безмятежная улыбка сытого кота, греющегося на завалинке после удавшейся охоты. Улыбка человека, который только что выиграл самую важную ставку в своей жизни. Облокотившись о зубец стены, он смотрел вниз, на площадь перед воротами, прищутив свои холодные серые глаза. Там, внизу, копошилась человеческая масса. Горожане, еще вчера дрожавшие за запертыми ставнями своих богатых домов, теперь остервенело тащили на площадь добро убитых бояр старой партии. Они дрались у перевернутых возков, вырывая друг у друга из рук связки соболиных шкурок, резные ларцы с новгородским серебром и рулоны драгоценного иноземного сукна. Кто-то катил тяжелую дубовую бочку, кто-то волок за волосы упирающуюся дворовую девку, сорвав с нее жемчужное очелье. Над площадью висел густой гул голосов, прорезаемый бабьим воем, треском ломаемого дерева и довольным хохотом победителей. Для них это было утро великой справедливости.

— Народ любит силу, братец, — лениво произнес Борис, даже не повернув головы. Он чувствовал присутствие Ярослава спиной, ощущая исходящую от него волну концентрированной ненависти, но продолжал смотреть на мародерство внизу, будто оценивая качество товара на торжище. — Мы дали им зрелище. Кровь дядюшки Святослава наполнила городскую пыль до краев. Теперь дай им хлеба, или они разорвут нас самих так же легко, как разорвали вчерашних тиунов.

Ярослав шагнул вперед, выходя из тени каменной арки ворот. Солнечный свет ударил ему в лицо, заставив зажмуриться. Сажа на его щеках оставила грязные разводы там, где стекал пот. Деревянный помост под ногами предательски скрипнул старыми досками.

— Ты убил дядю нашего, Святослава! — голос Ярослава прозвучал глухо, но в нем клокотала такая первобытная ярость, что стоявшие неподалеку стражники-гридни невольно положили ладони на рукояти мечей. — Без суда веча! Тайком! Подрезав горло старику прямо в постели, пока он читал псалтырь!

Улыбка медленно сползла с лица Бориса. Он наконец соизволил обернуться. Движение было плавным, хищным, движения змеи перед броском. Его красивое, обычно холеное лицо исказила злоба, обнажив мелкие зубы в левом углу рта. Багряный корзно соскользнул с правого плеча, открыв стальную чешуйчатую пластину панциря.

— А ты бы предпочел, чтобы он убил нас? — прошипел Борис, делая шаг вплотную. От него пахло кислым вином, чесноком и чужим страхом. — Старик Святослав уже сговорился с суздальцами. Юрий Долгорукий уже вел свою дружину через Мценск. Нам прислали грамоту с черной печатью: либо мы режем старых псов Изяславичей сегодня, либо завтра наши головы торчат на кольях у Золотых ворот. Это политика, Ярик. Грязная работа мясников ради спасения города. Не строй из себя блаженного юродивого, тебе не идет.

— Старик Всеволод умер вовремя, — продолжил Борис, презрительно кривя губы и обводя рукой дымящиеся кварталы. — Для тебя это горе, сопли и вой на паперти. А для Руси — избавление. Его проповеди о чести давно пора было утопить в Днепре вместе с ним самим. Он мешал мне править.

Борис выпрямился во весь свой внушительный рост, нависая над младшим братом. Его взгляд стал тяжелым, давящим, взглядом полновластного хозяина положения.

— Убирайся в свой Чернигов, братец, — бросил он с ледяным высокомерием. — Запри ворота посада, пей мед в своем терему и сиди тихо. Охоться на вепрей. Пока я милостив и позволяю тебе дышать одним воздухом со мной. И благодари Христа, что наша мать просила меня сохранить тебе жизнь в память о ее молоке.

Это слово — «братец» — повисло в утреннем воздухе как оскорбление. Оно звучало хуже плевка в лицо. Ярослав слушал этот спокойный, рациональный монолог братоубийцы, смотрел на окровавленный плащ, на сытые, уверенные лица стражи за спиной Бориса, и пелена кровавого тумана окончательно застлала ему взор. Разум отступил, отдав тело во власть инстинкта.

Неуловимым движением, быстрее, чем стража успела вскинуть тяжелые копья с широким листовидным пером, Ярослав выбросил правую руку вперед. Латная перчатка из мелких колец, покрытая засохшей кровью половцев, врезалась точно в переносицу Бориса.

Раздался сухой, отчетливый хруст ломающейся кости. Звук был таким громким на фоне притихшей площади, что его услышали даже те, кто грабил лавки внизу. Голова Бориса дернулась назад, запрокидываясь. Из носа хлынула густая темная кровь, мгновенно залившая новый алый корзно, рот и русую бороду. Борис пошатнулся, нелепо взмахнул руками, пытаясь удерживать равновесие на узком забрале, и тяжело привалился спиной к зубцу стены. Его красивые черты лица моментально превратились в бесформенную, опухающую маску боли. Он захрипел, выплевывая выбитые зубы вперемешку с кровью.

Ярослав не отступил. Он навис над скорчившимся старшим братом, тяжело дыша. Его собственное плечо отозвалось огненным спазмом на резкое движение, но боль лишь отрезвляла. Он схватил Бориса за грудки, притягивая к себе залитое кровью лицо.

— Я заберу у тебя всё, — прорычал Ярослав ему прямо в ухо. Его голос вибрировал от сдерживаемой силы, а костяшки пальцев побелели. — Клянусь Хорсом-Солнцем и черным подземным Змеем. Начиная с этого города. Этот воздух больше не твой, ублюдок.

Стражники у ворот, секунду назад замершие в ступоре от невиданной дерзости, пришли в движение. Десяток копий качнулся в сторону Ярослава, лязгнули вынимаемые из ножен клинки. Но никто не решился нанести удар первым — братья стояли слишком близко, и любое неверное движение грозило зацепить князя Бориса, живого или мертвого.

Ярослав оттолкнул брата от себя. Борис мешком осел на доски настила, заходясь в кашле и слепо шаря руками по дереву. Молодой князь развернулся. Он пошел прочь от Софийских ворот, прямо сквозь расступающийся в ужасе строй воинов. Он шел, не оглядываясь, оставляя за спиной красные пятна на золоте воротных створок. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, пропитанный кровью рукав колотился о бедро в такт тяжелым шагам.

В спину ему раздался булькающий смех Бориса, перешедший в болезненный стон:
— Попробуй... Чер - ни - гов...

Но Ярослав уже не слышал его. Спускаясь по винтовой лестнице башни в серый сумрак, он знал одно: мира между ними больше не будет. Старая Русь действительно умерла вчера на Борицевом взвозе. Сегодня утром в Киеве родилась новая эпоха. Эпоха волков, которым стало тесно в одной стае.

Глава 2. Братская клятва и змеинный шепот

Чернигов встретил Ярослава свинцовым небом, готовым разразиться ледяным дождем в любую минуту. После выжженного солнцем и пожарами Киева здешний воздух казался целебным бальзамом — он пах прелой прошлогодней листвой, мокрой сосновой корой и спокойствием. Но это было лишь обманчивое спокойствие старого леса, внутри которого притаился матерый хищник. Черниговский детинец стоял на высоком холме над слиянием Десны и Стрижени, оштетинившись могучими дубовыми стенами-городнями. Город не любил суеты, здесь чтили традиции вечевоего права куда строже, чем в алчном Киеве.

В подземельях черниговского терема царил вечный полумрак. Сюда не доносился шум торго с внешних площадей, не слышно было перезвона колоколов Успенского собора. Тяжелые каменные своды давили на плечи многотонной массой земли, отрезая от мира живых. Воздух был густым, холодным и неподвижным. Он пах вековой сыростью, поднимающейся от земляного пола, кислым духом плесени, покрывающей камни зеленоватым бархатом, сладковатой гарью от догорающих восковых свечей да железистым запахом ржавчины старых вериг, висящих на стене для покаяния узников.

Ярослав сидел на грубо сколоченной деревянной лавке перед своим духовником, отцом Никифором. Священник выглядел древним, как сама эта крепость. Его лицо напоминало печеную репу — сплошь изрезанное глубокими морщинами, а кожа имела желтоватый оттенок пергамента. Редкие седые волосы были тщательно выбриты на затылке, оставляя только жидкую косичку, но кустистые брови все еще сохраняли рыжеватый оттенок старой меди. Сухие,

узловатые пальцы старика непрерывно двигались, перебирая тяжелые можжевельные четки, костяшки которых потемнели от тысяч прикосновений. Сам Ярослав сгорбился так, что его широкие плечи закрыли уши. Левая рука висела на перевязи, сделанной из полосы чистого полотна, но сквозь ткань уже проступали свежие багровые пятна. Пахло от него кровью, конским потом и тем особым сортом отчаяния, которое сжигает человека изнутри быстрее любой лихорадки.

— Гордыня погубит тебя раньше вражеской секиры, княжич, — вздохнул священник, тяжело опираясь на высокий посох черного дерева. Голос отца Никифора звучал глухо, словно шелест пересыпаемого песка, и эхом отдавался от стен. Старик протянул Ярославу тяжелую глиняную кружку, от которой поднимался густой хлебный пар. На поверхности мутного кваса плавала желтая пенка. — Выпей. Ты бледен, как саван покойника, три дня, бредившего в горячке. Кровь Христова требует смирения, а ты жаждешь мести. Оставь суд Всевышнему. Борис теперь сидит на киевском столе по праву сильного, помазан миром...

Ярослав вырвал кружку из рук священника. Его движения были резкими, дергаными, выдавая крайнюю степень нервного истощения. Он сделал большой глоток — холодный, щиплющий язык напиток немного привел его в чувство, обжег пустой желудок. Княжич со стуком поставил кружку на выскобленный добела стол, расплескав остатки кваса.

— Мое смирение утонуло в крови дядюшки Святослава вместе с его душой, святой отец, — голос Ярослава прозвучал хрипло, сорванный недавним криком. Он поднял голову, и в полумраке блеснули глаза цвета грозового неба — такие же холодные и беспощадные. — Вы говорите о праве? Какое право у братоубийцы? Я плюнул ему в лицо сегодня утром. Я сломал ему нос прилюдно, на глазах всей городской стражи. Теперь дороги назад нет. Ни мне, ни ему. Мы оба повязаны этой кровью. Если я склоню голову сейчас, через месяц мои собственные гридни найдут меня с перерезанным горлом в нужнике. Моя гордыня спасет мою голову, отче. Она стала моим единственным щитом.

Отец Никифор медленно опустил веки, признавая страшную правоту этих слов. В мире князей законы писались не евангельскими притчами, а острием меча.

— Что ж, если Господь решил лишить тебя мудрости ради спасения твоей жизни, значит, так тому и быть, — прошептал старик. — Но один в поле не воин против киевского стола, даже если этот воин носит твой герб. Тебе нужен союзник. Кто ненавидит Бориса сильнее тебя?

Вопрос повис в спертом воздухе подвала. Ярослав сцепил руки в замок. Костяшки пальцев побелели. Союзники... Старая знать попряталась по медвежьим углам, ожидая, чья возьмет. Черниговский князь Владимир Давыдович охотно даст приют, но палец о палец не ударит, чтобы помочь сесть на чужую качалку — он слишком любит свои сундуки с серебром. До Новгорода далеко, да и тамошние бояре купят верность лишь за полный вывоз меха. Нужна была фигура равного калибра. Изгой, которому нечего терять, кроме своих цепей.

— Мне нужен волк, загнанный в угол, — произнес Ярослав, глядя прямо в выцветшие глаза духовника. — Такой, который готов грызть горло любому ради одного мига свободы. Кто ненавидит Бориса сильнее меня? Тот, кого наш «милостивый» братец вышвырнул из Руси, как шелудивого пса, едва сам обрел власть.

Никифор долго молчал. Его пальцы замерли на четках. Казалось, старый священник вслушивается в самую тьму подземелья или ведет безмолвный разговор с кем-то невидимым под низкими сводами. Наконец он тяжело поднялся. Опираясь на посох, старик подошел к глубо-

кой нише в стене, закрытой тяжелой дубовой дверцей. За ней оказался не тайник с золотом, а простой деревянный ларь. Никифор достал оттуда кожаный тубус, запечатанный темно-вишневым сургучом с оттиском византийского двуглавого орла.

— Есть один, — наконец выдохнул священник, возвращаясь к столу. — Ростислав Владимирович. Сын великого Мономаха, рожденный от английской принцессы Гиты. Кровь кесарей течет в его жилах, но судьба обошлась с ним жестоко. Борис изгнал его два года назад, опасаясь тени такого племянника при дворе.

Никифор положил руку на теплый бок масляной лампы, слегка согревая застывший сургуч печати.

— Сейчас он в Тмутаракани, — продолжил старик, внимательно следя за реакцией Ярослава. — Сидит на краю света, среди дикого поля. Там пыль смешана с солью, а ветер приносит запах гниющих водорослей. Он воюет с касогами и ясами, держит Дикое поле своей грудью, командуя наемными берендеями и торками. У него есть золото, награбленное в степных курганах, и две сотни отчаянных головорезов, которые пойдут за ним хоть в пекло. Но будь осторожен, Ярослав. Клянусь тебе спасением души: Ростислав умен, как истинный византийский лис. Хитер, двуличен и абсолютно лишен страха Божьего. Для него люди — лишь фигуры на шахматной доске базилевса.

Священник взял нож для резки пергамента и аккуратно поддел печать.

— Он поможет тебе собрать рать. Он даст тебе имя, легитимность и откроет ворота тех немногих городов, что еще хранят верность роду Мономашичей. Он посадит тебя на киевский престол. Сделает это красиво, с хоругвями и колокольным звоном. Но сделает он это лишь для того, чтобы потом продать этот самый престол грекам втридорога. Или обменять твою голову на прощение брата, когда политическая цена станет выгодной. Помощь Ростислава будет стоить тебе не серебра. Она будет стоить тебе части самой Руси.

Ярослав слушал, подавшись вперед. Каждое слово падало камнем в тишину. Он смотрел на сургучную печать, которую старик только что снял. Внутри ворочалось холодное, скользкое предчувствие сделки с дьяволом. Но выбора не было. Чтобы убить дракона, иногда нужно самому стать чудовищем.

— Пусть продает, — тихо, почти беззвучно ответил княжич. Его губы тронула кривая, жестокая усылка, совершенно не похожая на ту детскую улыбку, которая когда-то очаровывала киевских девиц. — Главное, чтобы покупатель нашелся после того, как мой меч закончит свое дело. Напиши ему, отче. Скажи, что сын Всеволода ждет его вестей в Чернигове. И пусть поспешит. Борис празднует победу, а пьяные богатыри плохо держат щит.

Где-то глубоко под землей, в дренажном канале, протяжно и тоскливо запищала крыса, словно подтверждая сделку, заключенную между Богом и преисподней в сырых стенах черниговского детинца.

Глава 3. Пепел Чернигова

Август в Северной земле выдался сухим и жестоким, выжигая траву до состояния желтой стерни. Ветер дул с запада, неся на Чернигов запах гари задолго до того, как враг показался из-за излучины Десны. Он пах сгоревшим зерном, паленой шерстью и тем особым сортом паники, который охватывает скот перед убоем.

Конница Бориса шла стеной. Это была не просто рать — это был катящийся стальной вал, поглотивший горизонт. Под тяжелыми копытами дестяжей дрожала сама земля, передавая вибрацию сквозь камень прясла прямо в подошвы сапог Ярослава. Железный лязг заполнил всю долину реки Белоус: глухой звон кольчуг, скрежет стремян о наголенники, мерное позвякивание сотен соединенных цепями калиток на щитах-павезах и низкий, утробный гул идущих рысью боевых коней.

Солнце било в глаза со стен детинца, отражаясь от тысяч металлических пластин вражеского строя, превращая армию Бориса в единое чешуйчатое чудовище, выползшее из болотных глубин. Над колонной реяли стяги киевского стола — золотистые херувимы на лазоревом поле, казавшиеся издевательством над мирным небом.

Ярослав стоял на самом опасном месте — на забороле угловой башни, нависающей над воротами. Свежий ветер трепал его русые волосы и хлопал полами простого суконного вотола, под которым стыла промокшая от пота рубаха. Его левая рука все еще висела на перевязи, но пальцы правой намертво впились в обожженный край деревянной бойницы. Лицо княжича было серым от недосыпа и каменной пыли, осевшей на кожу во время обстрела. Он смотрел вниз, на посад, где огненные снаряды тяжелых требушетов и мангонелей чертили дымные дуги в воздухе. Глиняные горшки с «жидким огнем» — смесью смолы, селитры и горючих масел — лопались при ударе, растекаясь липкими озерами пламени. Каменные ядра размером с баранью голову прошивали деревянные крыши амбаров насквозь. Ремесленные слободы за пределами внешнего вала уже превратились в сплошную стену ревущего огня и черного дыма. Там кричали сгорающие заживо люди, истошно визжала гибнущая в стойлах скотина, но Ярослав слышал лишь ровный ритм барабанов наступающего врага.

— Открыть ворота, — внезапно приказал Ярослав сотнику Вышате, старому варягу, чье лицо напоминало печеную луковицу, испещренную белыми шрамами от половецких сабель.

Вышата поперхнулся собственным дыханием. Седые космы дружинника встали дыбом от ужаса.

— Князь! — прохрипел он, схватив Ярослава за локоть железной хваткой. — Нас же сомнут! У них три тысячи копий против наших пятисот мечников. Мы сгорим заживо вместе с городом! Детьнец выдержит осаду полгода, зачем отдавать им внешнюю стену?

Ярослав медленно повернул голову. Взгляд его глаз больше не был человеческим. В них плескалось холодное безумие загнанного зверя, который решил сам стать охотником. Боль в раненом плече давно притупилась, сменившись звенящей пустотой.

— Делай, что велено, Вышата, — голос княжича прозвучал пугающе ровно, без малейшего намека на страх или сомнения. — И вели трубить отступление коннице в поле. Пусть бегут сюда. К самым створкам. Живо!

Сотник замер на секунду, пытаясь осознать масштаб самоубийственного приказа, затем коротко кивнул. Шлем качнулся, закрывая лицо тенью. Он исчез с площадки башни, тяжело бухая сапогами по ступеням.

Над стеной разнесся звук боевого рога — долгий, тоскливый перелив, означающий сигнал к отходу. Конная дружина Ярослава, стоявшая в резерве за внешним валом, пришла в движение. Они не бежали в панике, нет. Это был отработанный маневр ветеранов: всадники

нахлестывали лошадей, низко пригибаясь к гривам, рассыпаясь веером в сторону открытых Спасских ворот. Со стен детинца лучники дали прощальный залп навесом, засыпав авангард Бориса стрелами с широкими срезнями, прежде чем скрыться за зубцами.

Борис, наблюдавший за битвой с холма в окружении своих ближних бояр, издал торжествующий рык. Для него это выглядело именно так, как он планировал: младший брат дрогнул. Стены держатся, но дух черниговцев сломлен. Сейчас они втянут остатки войска внутрь крепости, захлопнут ловушку и станут легкой мишенью для камнеметных машин.

— Труби штурм! — взревел Борис, поднимая свой чекан. — Сжечь дотла гнездо предателя! Не щадить никого, даже собак в будках!

Тяжелые створки ворот детинца начали медленно, натужно расходиться. Натертые дегтем петли скрипели громко и жалобно, словно оплакивая судьбу города. Изнутри пахло прохладой, сыростью камня и запахом прелой соломы. На фоне темного зева арки мелькнула фигура Вышаты, призывно машущего рукой:

— Сюда! Живее, соколы! Прикройте спину!

Увидев открытые врата, железная лавина киевлян перешла на тяжелый галоп. Рыцари Бориса ринулись внутрь, предвкушая легкую добычу, резню в тесных улочках и богатую дележку добра в княжеских сундуках. Первые ряды — закованные в латы с головы до ног бояре-владимирцы — опустили длинные копья, целясь в темноту проема. За ними плотной массой текла пехота с осадными лестницами. Копыта выбивали искры из брусчатки въездного тракта. Ворота проглотили первые пятьсот человек. Затем тысячу. Полторы.

Как только хвост последней сотни оказался внутри тени свода, скрывшись от взглядов тех, кто шел следом снаружи, Ярослав резко махнул рукой.

— Руби оси! Задвинуть брусья! — крикнул он сорванным голосом.

Две огромные, доверху груженные телеги с камнями, которые ночью хитро выкатили из боковых проездов и оставили стоять прямо под сводами, были пущены вниз по едва заметному уклону улицы. Тяжелые дубовые колеса врезались в поток рыцарей. Раздался хруст ломаемых костей людей и шейных позвонков лошадей, слившийся с треском дерева. Телеги намертво закупорили проход, превратив широкую улицу в узкий, смертельный мешок. Следом сверху рухнули тяжелые кованые решетки-герсы, отсекая вошедших от их подкрепления. Ярослав успел заметить перекошенное яростью и недоумением лицо одного из воевод Бориса прямо перед тем, как толстая дубовая створка с грохотом ударила в косяк.

И тогда город выдохнул. То, что казалось беспорядочным бегством, обернулось идеальной западней. С крыш приземистых купеческих домов, из слуховых окон церквей и с верхушек заборов полетели камни, вылитые из котлов, кипящая смола и град арбалетных болтов. Тесные улочки Чернигова, спроектированные для защиты, а не для проезда тяжелой кавалерии, стали могилой. Закованные в сталь всадники оказались беспомощны: они не могли развернуть коней, не могли поднять щиты в толчее, а длинные копья застревали между стенами зданий. Литовские наемники Ярослава, вооруженные короткими абордажными топорами, прыгали прямо на спины рыцарей, пробивая шлемы клевцами и перерубая поводья.

Одновременно с этим над полем снова раздался чистый, высокий звук рога — тот самый сигнал, которого ждали далеко впереди. Конница же Ярослава, сделав вид, что обратилась в повальное бегство почти до самого леса, развернулась по команде одним монолитным строем.

Земля содрогнулась от удара тысяч подкованных копыт. Всадники пригнулись к лукам седел, выставив вперед короткие рогатины. Они ударили в самое уязвимое место — в тыл. Прямо в растянувшийся, неповоротливый обоз врага, оставшийся за спиной штурмовой колонны.

Там стояли запасные лошади, везли провизию, пороки и шатры князя. Охрана обоза состояла из вчерашних смердов с вилами да пары сотен сонных пешцев. Удар бронированного кулака разметал их, как сухие листья. Оголодавшие боевые кони черниговцев грызли шеи заводных кобыл противника, топча раненых. Запылали крытые фуры с сеном и маслом.

К вечеру пыль над долиной Белоуса стала красной от закатного солнца и крови. Небо затянуло густым жирным дымом. Лагерь Бориса пылал ярче, чем весь Чернигов. Горели княжеские шатры из аксамита, полыхали запасы греческого огня, которые никто не успел использовать, рвались связки стрел. Сам великий князь Киевский спасся чудом — говорят, он бросил свои знамена, сменил дорогую ферязь на грязный кафтан рядового латника и бежал через бурелом, исхлестав в кровь своего любимого жеребца.

А посреди разгромленного поля сидел прямо на трупѣ вражеского воеводы Ярослав. Он допил воду из чужой фляги, сплюнул тягучую слюну с привкусом железа и посмотрел на север, туда, где за горизонтом лежала далекая, проклятая и вождѣнная Тмутаракань. Первая партия кровавой игры осталась за ним, но фигуры на доске становились только крупнее.

Глава 4. Волхв из кургана

Ночь после битвы всегда пахнет иначе, чем ночь перед ней. Воздух Чернигова стал густым, тяжелым и липким, словно сама земля не могла дышать сквозь запекшуюся на ее лице корку крови. Ярослав не мог сомкнуть глаз в душных палатах детинца. Крики раненых со двора, пьяный хохот победителей-гридней, делящих добычу прямо у костров, и глухая тишина покоев брата Бориса, который наверняка сейчас мечется в бреду от горячки и сломанного носа — все это сливалось в невыносимую какофонию. Победа оказалась тяжелее поражения. Она давила на плечи ответственностью за тысячи жизней, которые теперь зависели от его решений.

Ближе к полуночи он молча накинул на кольчугу тяжелый волчий плащ, прицепил к поясу нож с рукоятью из моржового клыка и вышел через калитку для прачек, приказав страже забыть о его существовании до рассвета. Ему нужен был ответ. Не совет отца Никифора, полный византийских интриг, и не рапорт сотника Вышаты о количестве убитых врагов. Ему нужно было знамение. Знание того, куда ведет эта кровавая река.

Он поднялся на Лысую гору — древнее капище, стоявшее на высоком холме над Десной еще во времена вещего Олега. Место силы языческой Руси, которое христианские священники обходили десятой дорогой, а князья тайком посещали перед большими походами. Здесь не росла трава. Земля была выжжена временем и старыми кострищами, покрыта лишь серым пеплом да жестким чертополохом.

Среди кривых, искореженных ветрами дубов стояли древние идолы. В неверном свете молодого месяца они казались живыми свидетелями конца времен. Перун грозил небу каменным кулаком, его серебряные усы тускло поблескивали от потеков дождевой воды. Мокошь тянула к земле тяжелые деревянные груди, высеченные так грубо, что богиня плодородия больше напоминала безликий столб. Но Ярослав прошел мимо них. Он шел к самому старому изваянию — истукану Велеса. Бог скота, мудрости и подземного мира был вырезан не

из камня, а из цельного ствола черного дуба, пролежавшего в трясине три сотни лет. Его лицо почти стерлось от дождей, превратившись в гротескную маску, но глаза — два глубоких провала — казалось, следили за каждым шагом княжича.

— Ты звал гром, княже? — раздался скрипучий, сухой голос откуда-то из-за спины истукана. Он звучал не снаружи, а внутри головы Ярослава, отдаваясь эхом в пустоте черепа.

Княжич резко обернулся, выхватывая нож. Из густой тени, отбрасываемой деревянным телом бога, медленно выступил старик. Он был одет в шкуры — медвежью на плечах и волчью вокруг пояса, хотя на дворе стоял теплый май, и даже ночью парило перед грозой. От него исходил запах прелой листвы, дикого зверя и холодного тлена. Седые волосы космами падали на грудь, сливаясь с мехом, а длинная борода казалась сплетенной из сухого мха. Его глаза светились в темноте нездоровым, фосфорическим блеском болотных огней. На морщинистой шее висело ожерелье из человеческих фаланг, тихо стучавших друг о друга при каждом движении.

Ярослав не опустил оружия, но страх ушел, сменившись ледяным напряжением охотника, встретившего матерого хищника.

— Я пришел говорить с землей, старик, — ровно ответил княжич. — А твои духи сегодня сыты кровью досыта. Назови мне имя будущего победителя. Чей стяг будет стоять над Святой Софией через год? Бориса, чьи кости гниют под стенами Киева, или мой?

Волхв запрокинул голову назад. Его кадык на тощей шее дернулся, когда он издал звук, мало похожий на человеческий смех. Это был дребезжащий, ломкий скрежет, какой издает сухое дерево на сильном ветру. Старика согнуло пополам от веселья, он опирался на высокий посох из терновника, увитый засохшим плющом.

— Победителя нет, — наконец прохрипел он, утирая выступившие слезы грязным пальцем. — Разве ты не понял этого вчера, глядя на горящие телеги? Победителей не бывает в братоубийстве. Будет только выживший. Тот, кто последним сможет разжать пальцы на рукояти меча.

Старик сделал шаг вперед, выходя в полосу лунного света. Теперь Ярослав видел его лицо отчетливо: кожа плотно обтягивала кости, а губы были черными, словно их обожгло морозом.

— Имя ему напишут кровью тех, кого он сегодня называет друзьями, — продолжил волхв, и его дыхание пахло сырым мясом. — Смотри внимательно, князь. Твоя победа над Борисом — это лишь первая строка в приговоре. Ты выпустил врага в город, чтобы убить его. Однажды точно так же откроют ворота для тебя. И сделает это тот, кто делит с тобой хлеб прямо сейчас.

Ярослав почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ночной сыростью. Он вспомнил преданный взгляд своего воеводы Ратибора, вспомнил жадность Ростислава Тмутараканского, письма которого уже жгли карман его кафтана.

— Довольно загадок, ведун, — голос княжича дрогнул, выдавая усталость. — Скажи прямо. Если я хочу удержать узду...

— Узда рвется там, где тонко, — перебил его старик. Он вдруг оказался совсем рядом. Несмотря на кажущуюся немощь, от него веяло такой первобытной мощью, что ноги сами сделали шаг назад. Сухая, горячая ладонь легла на забинтованное плечо Ярослава. Пальцы оказались цепкими, как птичьи когти, и обжигали кожу сквозь ткань и шерсть. — Бойся женщины с глазами цвета зимнего льда. Северянки. Той, чей род давно проклят удачей. Она придет к

тебе спасительницей, принесет тебе великокняжеский венец на бархатной подушке, но выпьет твою душу через соломинку мести. Ты примешь из ее рук чашу победы, но вино в ней станет твоей собственной желчью. Она похоронит тебя раньше, чем закроются твои глаза.

Внезапно налетевший порыв ветра ударил в спину Ярослава с такой силой, что качнулись тяжелые ветви дубов. Идол Велеса за спиной старика издал протяжный, низкий стон лопающегося дерева. Огни в глазах волхва вспыхнули ослепительно ярко, заставив князя зажмуриться. Когда Ярослав снова открыл веки, подставляя слезящиеся глаза лунному свету, поляна была пуста.

Только старый черный ворон сидел на голове деревянного бога, пристально глядя на человека одним блестящим агатовым глазом, и лениво чистил клюв. У подножия идола лежал свежий пучок белены и один-единственный человеческий зуб, воткнутый в трещину коры острием вверх.

Ярослав долго смотрел на этот зуб. «Женщина с глазами цвета зимнего льда». В Киеве таких не было — киевлянки смуглы и черноглазы. Чернигов... полоцкие земли... Новгород... Слово «мечь» отозвалось в памяти ударом колокола. Кровь Всеволода. Кровь Святослава. Сколько еще женщин потеряли своих отцов и мужей в этой бесконечной грызне за престол?

Он спрятал нож, развернулся и пошел вниз с горы, обратно к дымящимся руинам города. Предупреждение волхва не принесло покоя. Оно лишь дало форму тому ужасу, который клубился на дне его души: оказывается, самая страшная ловушка ждет не впереди, на поле боя, а позади — в теплой постели и ласковых объятиях той, кому он доверит свою спину.

Глава 5. Варяжский клинок

Путь от Чернигова до далекой Тмутаракани занял сорок дней изнурительного пути по Дикому полю, где ветер носит перекасти-поле вместо вестей, а каждая балка скрывает половецкую засаду. Они шли ночами, укрываясь в камышах днем, потеряв три десятка людей — кого-то забрала степная лихорадка, кого-то унесли стрелы торков. Но те, кто выжил и ступил на прокаленные солнцем камни таманского побережья, уже не были просто беглыми дружинниками. Это была стая волков, оголодавших до такой степени, что их глаза светились желтым безумием.

Тмутаракань встретила Ярослава тяжелым, густым запахом гниющих водорослей, йода и несвежей рыбы, который въедался в одежду намертво за первые же полчаса. Город-порт, зажатый между соленым морем и солеными озерами, жил торговлей с Византией и разбоем в степях. Здесь кривые улочки утопали в помоях, которые выплескивали прямо из окон приземистых глинобитных домов, крытых потрескавшейся черепицей. Воздух дрожал от зноя, поднимаясь маревом над раскаленной брусчаткой гавани.

В порту царило вечное движение: рабы-таскали кули с пшеницей из трюмов пузатых византийских хеландий, смуглые генуэзские купцы орали друг на друга гортанными головами, пересчитывая амфоры с вином, а в тени портовых складов спали вповалку наемники всех мастей — косматые аланы, угрюмые касоги и рослые северяне-варяги с соломенными бородами, лениво правящие лезвия своих секир точильными камнями. Над всем этим висел неумолчный гул прибоя и крики жирных чаек, пикирующих на рыбные требуху.

Ростислав Владимирович ждал его на самом краю пирса, небрежно облокотившись на просмоленный борт своей личной боевой ладьи «Солнце севера». Он был одет вызывающе легко для князя-изгоя: лишь льняная рубаха цвета запекшейся крови, распахнутая на груди, да потертые кожаные порты, заправленные в мягкие сапоги из шагрени. На поясе не было ни меча, ни тяжелых киевских золотых гривен — только легкий ромейский кинжал с рукоятью из резной кости, которым он играл с видимым удовольствием. Ростислав подбрасывал узкое лезвие в воздух, ловил его за самый кончик острия двумя пальцами, заставляя вращаться с бешеной скоростью, и снова отправлял в полет. Каждое его движение выдавало смертельную скуку хищника, запертого в слишком тесной клетке.

Он был молод — едва ли старше самого Ярослава, — но выглядел гораздо опаснее. Солнце Тавриды выдубило его кожу до бронзового оттенка, а вокруг глаз залегли ранние морщинки от постоянного прищура под слепящим южным светом. В отличие от холеного Бориса, этот человек пах потом, морской солью и кровью врагов, убитых в честном бою.

— Тебе нужны мои ладьи? — спросил князь-изгой, даже не повернув головы. Его голос был низким и чуть насмешливым, с характерным растягиванием гласных, свойственным тем, кто долго живет вдали от родных лесов. Лезвие кинжала сверкнуло в воздухе и замерло, вонзившись острием точно в щель между старыми досками причала, вибрируя от удара. — Или моя доблесть? Говорят, ты неплохо научился жечь собственные города ради победы. Уважаю такую решимость.

Ярослав подошел ближе. Дерево пирса скрипело под ногами, готовое в любой момент проломиться в мутную зеленую воду, кишашую медузами. Он смотрел на профиль Ростислава, на то, как играют желваки на его чисто выбритом подбородке.

— Мне нужно твое слово, — ответил Ярослав тихо, но так, чтобы каждое слово долетело до слуха собеседника сквозь шум порта. — И твои берендеи. Киев сейчас пьет вино из погребов Святослава, брат празднует труса. Он уверен, что я сгнию здесь, вымаливая кусок хлеба. Я хочу доказать ему обратное. Мне нужен флот, чтобы ударить со стороны моря, пока Борис смотрит на сухопутные тракты.

Ростислав медленно вынул кинжал из доски, задумчиво провел большим пальцем по режущей кромке, проверяя заточку, и впервые посмотрел Ярославу прямо в глаза. Взгляд князя-изгоя был тяжелее свинца. В нем читался холодный расчет человека, привыкшего продавать свою жизнь и жизни своих воинов исключительно по весу золота.

— Слово стоит дешево, княжич, — усмехнулся он, обнажая крепкие зубы. — Особенно мое. Мои люди любят серебро больше, чем красивые речи о законном наследии. Дороже стоят твои серебряные рудники в Суздале. Те самые, что завещал тебе отец Всеволод в обход старшинства. Отдай мне право на их разработку после нашей победы. Подпиши грамоту здесь и сейчас, скрепив ее печатью Черниговского стола, которого у тебя пока нет, но будет... если ты выживешь. И завтра мой флот перережет торговые пути снабжения Киева. Мы заморим Бориса голодом быстрее, чем моль сожрет его парчовые кафтаны. Перекроем Дунай, закроем Понт. Через месяц его хваленые варяги начнут есть собственных коней.

Наступила тишина, нарушаемая лишь криками чаек и плеском волн о сваи. Ярослав понимал, какую цену назначает изгнанник. Суздальское серебро — это кровь Руси. Это возможность платить той самой варяжской гвардии, которая держит щит между лесом и Степью. Отдать рудники Ростиславу означало отдать ключи от будущего государства человеку, чья вер-

ность заканчивается ровно там, где пустеет его кошель. Но выбора не было. Без кораблей он останется вождем стаи оборванцев, запертым в болотах Причерноморья.

— По рукам, — кивнул Ярослав, чувствуя во рту привкус пепла Чернигова. — Ты получишь свои рудники. Мой тиун откроет перед твоими людьми сундуки сразу, как голова моего брата слетит с плеч на площади Святой Софии.

Ростислав хищно осклабился. Эта улыбка сделала его лицо почти красивым и одновременно совершенно нечеловеческим — лицом удава, загнавшего мышь в угол. Он одним плавным движением вырвал кинжал из дерева, крутанул его в пальцах и с сухим щелчком вбросил в ножны, спрятанные под рубахой на спине.

— Хороший выбор, — протянул он, наконец выпрямляясь во весь свой внушительный рост. Теперь они стояли нос к носу. — Я люблю иметь долги князей. Их интереснее взыскивать, чем долги рыбаков. Только учти одну вещь, Ярослав. Запомни ее так же крепко, как имя своего отца. Варяги служат тому, чья монета звонче. Сегодня твой враг — Борис. А завтра... завтра мы посмотрим, сколько серебра осталось в твоей казне. Не затягивай с выплатой долга. Морская пехота очень быстро переходит на сторону того, кто платит полновесным золотом, а не обещаниями земель, которых еще нужно завоевать.

Он развернулся и пружинистым шагом пошел вдоль борта ладьи, раздавая короткие команды хмурым норманнам. Ярослав остался стоять один. Соленый ветер трепал его волосы, пытаясь сорвать с них остатки дорожной пыли Северщины. Он положил руку на навершие меча. Сделка с дьяволом состоялась. Теперь оставалось лишь дожидаться бури, которую они собирались обрушить на родной дом.

Глава 6. Пир стервятников

Киев замер в тяжелом, удушливом ожидании, похожем на затишье перед ударом молнии. После того как дымы сожженного Чернигова рассеялись, а гонцы принесли весть о том, что Ярослав не просто выжил, но и увел остатки войска к морю, над Золотым городом повисла липкая паутина страха. Торговля умерла: иноземные купцы спешно паковали товары, пытаясь договориться с портовой стражей об отплытии хотя бы до Херсонеса. Ремесленники сидели по домам, гадая, чьи мечи зазвонят под их окнами раньше — берендеи Ростислава или озверевшая от голода киевская голытьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.